

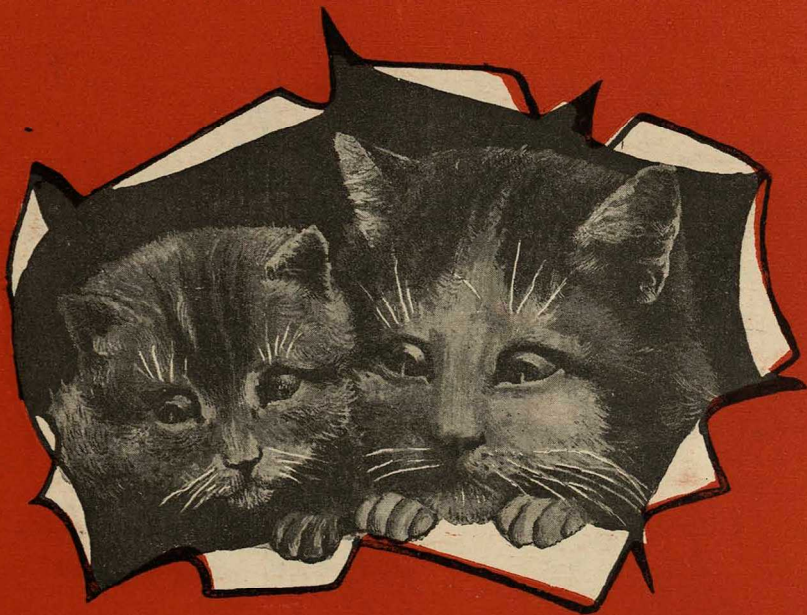
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой.

ІЮНЬ.

№ 16

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРЕДАННЫЕ РАБОТНИКИ.
ЛѢТНЯЯ КАРТИНКА (стих.).
СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ. Повѣсть.
ТИХІЙ ВЕЧЕРЪ (стих.).
ОДНОГЛАЗЫЙ ДРУГЪ.
ГОЛОВЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Шотландскій домикъ (для склеиванія).
Красная шапочка (картина).

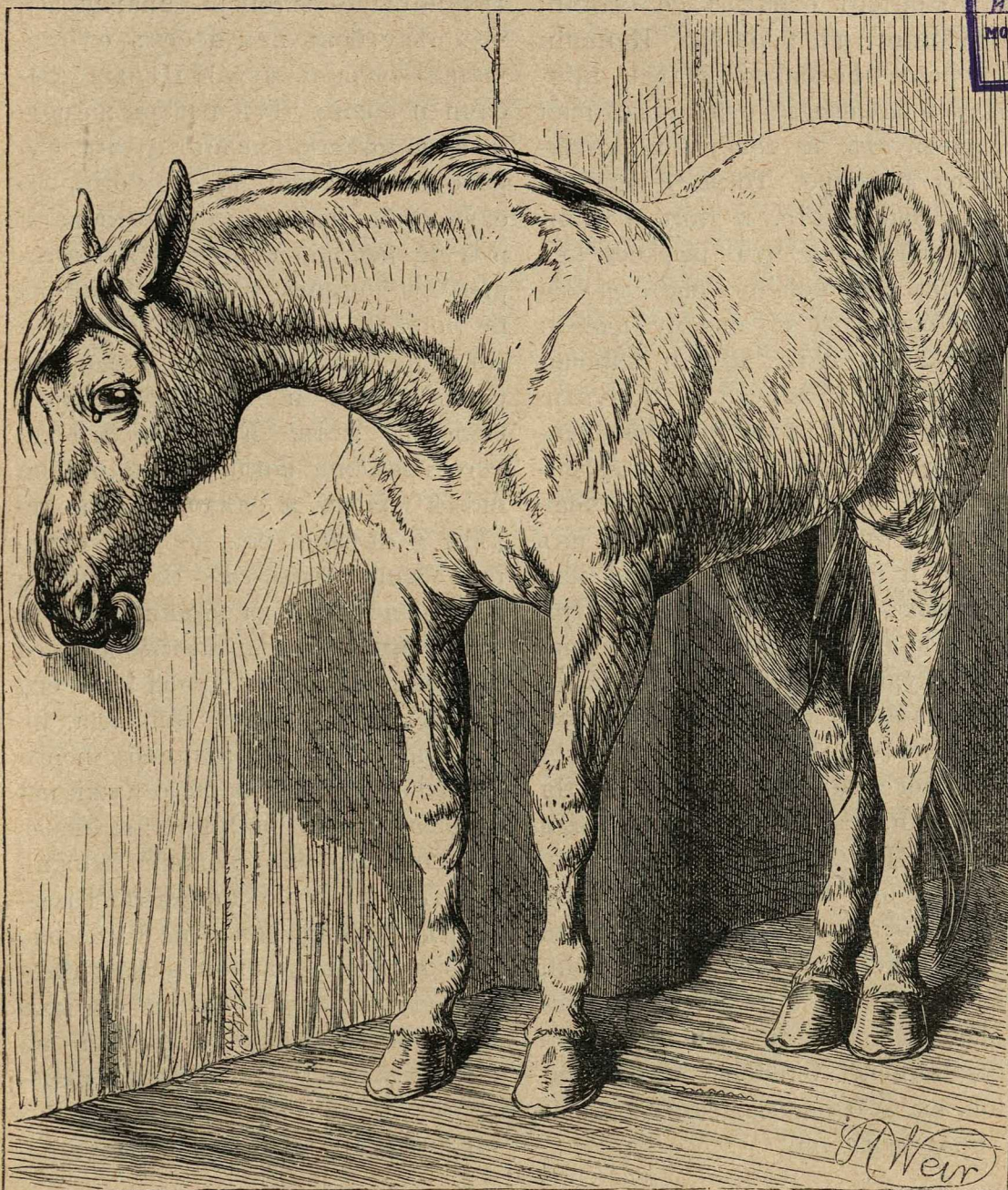

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

ИМПЕРАТОРСКІЙ
МОСКОВСКІЙ ГМИНЦОВСКІЙ
МУЗЕЙ

... Тогда она взялась зубами за ручку двери

ПРЕДАННЫЕ РАБОТНИКИ.

Давно-давно, лѣтъ пятьсотъ тому назадъ, извѣстный мореплаватель Кортесъ отплылъ со своими кораблями отъ береговъ Испаніи и черезъ нѣсколько недѣль прибылъ наконецъ въ страну, которая существуетъ и теперь и называется Мексико. Тогда о ней не знали еще никто, и такъ и принято говорить, что Кортесъ ее открылъ. Въ ней онъ засталъ уже образованныхъ по своему людей: мексиканцы уже имѣли хорошо устроенныя дороги, прочныя мосты черезъ рѣки, красивые дома и громадныя храмы, выстроенныя изъ камня; они были очень искусны на хитрыя работы изъ золота и на обтеску колоннъ изъ цѣльныхъ кусковъ гранита. При взглядѣ на эти колонны можно только удивляться, какъ это люди собственными силами могли двигать такими тяжестями. Между тѣмъ мексиканцы тогда и понятія не имѣли, что такое лошадь или осель. Что-бы они ни дѣлали, куда-бы они ни передвигали свои тяжести—все это они дѣлали сами. У нихъ не было ни экипажей, ни сѣделъ, ни поѣздовъ. Самую обыкновенную лошадь они считали диковиннымъ звѣремъ и удивлялись ей. А о волахъ не имѣли даже и представленія.

Но какую странную казалась-бы теперь земля безъ лошади! Какъ трудно было-бы теперь управляться челоуѣку безъ нея и безъ ея родичей—осла и мула! Цѣлыя тысячи и сотни лѣтъ эти три животныя помогаютъ челоуѣку въ его работѣ и, если-бы не они, то едва-ли бы на свѣтѣ существовали всѣ тѣ великія сооруженія, которыя мы видимъ теперь. Если-бы не лошадь и не волъ, то земля такъ и оставалась бы вовсе не распаханной и челоуѣку нечего было-бы ѣсть. Еще задолго до того времени, когда появились на свѣтѣ колеса, а слѣдовательно телеги и поѣзда, эти добрыя, сильныя животныя уже таскали на себѣ для челоуѣка камни для его построекъ, сталь и желѣзо для его машинъ, уголь и дрова для его печей. Наша родина никогда не сдѣлалась-бы кормилицей всего свѣта, если-бы у нашего мужичка не было такой помощницы, какъ лошадь. Но на лошади можно ѣздить только по дорогамъ. Тамъ же, гдѣ дорогъ вовсе не бываетъ, какъ наприм., въ покрытыхъ снѣгомъ тундрахъ и въ песчаныхъ пустыняхъ, челоуѣкъ ѣздитъ на собакахъ и на верблюдахъ и перевозитъ на нихъ свои тяжести.

Почти всѣ крупныя животныя,

работающія на человѣка, имѣют копыта. Чтобы лошади не было больно ступать на камни подъ тяжестью того груза, который она должна возить, человѣкъ наби-ваетъ ей на копыта подковы. Въ далекия, незапамятныя времена у лошади на ногахъ было по пяти пальцевъ съ ногтями на концахъ, но съ теченіемъ времени эти пальцы стали уничтожаться и преобразовались въ одно копыто. Въ Англіи и теперь рождаются иногда жеребятки съ нѣсколькими пальцами на ногахъ, но ихъ не воспитываютъ и они скоро умираютъ. У насъ въ Европѣ лошади появились еще раньше, чѣмъ человѣкъ. Онѣ бродили по ней стадами и вовсе не были такъ сильны и красивы, какъ въ настоящее время. Онѣ отличались непріятнымъ грязно-сѣрымъ цвѣтомъ, имѣли короткія шеи и длинные голые хвосты, какъ у коровъ. Онѣ стали красивыми и сильными только благодаря воспитанію и уходу за ними человѣка.

Въ тѣ времена люди были еще дикарями и въ общемъ мало чѣмъ отличались отъ другихъ высшихъ животныхъ. Они чуть-чуть были умнѣ теперешнихъ обезьянъ. Но проходили сотни лѣтъ за сотнями и человѣкъ мало по малу сталъ выходить изъ состоянія дикаря и обзаводиться своимъ хозяйствомъ. У него появился шалапъ для жилья, онъ сталъ согрѣвать себя

огнемъ и одѣваться въ звѣриныя шкуры. Его проникательный умъ, которымъ онъ отличался отъ всѣхъ прочихъ животныхъ, сразу оцѣнилъ значеніе для него собаки. Онъ приручилъ ее и сталъ ходить съ нею на охоту. Она выслѣживала для него дичь и помогала ему прокармливать его семью. Сначала первый человѣкъ убивалъ дикихъ лошадей для ѣды, а затѣмъ сталъ съ помощью собаки ловить маленькихъ жеребятъ и приручать ихъ около своего жилища, чтобы со временемъ ихъ съѣсть. Но способность лошадей таскать на себѣ тяжести и самого человѣка сразу-же обратила на себя вниманіе первобытнаго человѣка и онъ сталъ употреблять ихъ для работъ. Это было еще за нѣсколько сотъ лѣтъ раньше, чѣмъ человѣкъ придумалъ колеса. Понявъ, что лошадь можетъ быть очень полезной, человѣкъ сталъ ее беречь и кормить. Какъ ни былъ простъ уходъ за лошадью у первобытнаго человѣка, онъ все-таки былъ лучше того, при какомъ она жила на свободѣ. Теперь ей уже не нужно было раскапывать зимою снѣгъ, чтобы добыть себѣ изъ-подъ него жалкіе остатки травы и утолить ея голодь: теперь о ней уже заботился человѣкъ и предлагалъ ей уже готовый, заранѣе запасенный кормъ. Отъ этого шерсть на лошади стала мягче и сама лошадь стала сильнѣе и рослѣе.

Въ тепломъ климатѣ, гдѣ борьба за существованіе меньше, лошадь стала съ теченіемъ времени очень красивой; а большія пространства по которымъ на ней долженъ былъ проѣзжать человѣкъ, сдѣлали ее выносливой и быстрой въ бѣгѣ. Отъ различнаго воспитанія и отъ вліянія различныхъ климатовъ получились различныя породы лошадей, начиная отъ скаковыхъ арабскихъ лошадей и кончая крупными тяжеловозами, которые даже вовсе и не умѣютъ бѣгать.

Лошади—очень умныя созданія. При хорошемъ обращеніи онѣ становятся такими-же преданными, какъ и собаки. Онѣ безгранично привязываются къ своимъ господамъ и тоскуютъ, когда долго ихъ не видятъ. Это, кажется, единственное животное, кромѣ собаки, которому дано отъ природы сознавать свою вину. Если лошадь сдѣлаетъ что-нибудь не то, что отъ нея требуетъ ея хозяинъ, то ей становится неловко, какъ ребенку. Одинъ господинъ возвращался поздно вечеромъ къ себѣ домой верхомъ. Въ сторонѣ, у дороги, возвышалась куча битаго камня, приготовленнаго для поссе. Не разобравъ ея въ темнотѣ, лошадь шарахнулась въ сторону, сбросила съ себя сѣдока и побѣжала прочь. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что лошадь испугалась кучи камней и бросилась въ сторону. Ея далекіе прецки всегда посту-

пали такъ, когда неожиданно встрѣчали на пути опасность или дикаго звѣря. Вообще лошадь приспособлена только убѣгать отъ врага или-же поражать его задними копытами, почему у нея и уши въ большинствѣ случаевъ направлены своими отверстиями всегда назадъ. Она должна слышать погоню именно сзади и если неожиданно встрѣчаетъ что-нибудь подозрительное сбоку, то тотчасъ же шарахается въ сторону. Сбросивъ съ себя хозяина, эта лошадь, о которой идетъ рѣчь, такъ испугалась, что ея и слѣдъ простылъ. Хозяинъ лежалъ на томъ-же мѣстѣ, на которомъ и упалъ, и не могъ двинуться, такъ какъ повредилъ себѣ при паденіи ногу. Черезъ нѣсколько времени онъ услышалъ вдаль звукъ приближающихся копытъ. Кто-то несся къ нему во всю скачку. Это оказалась его-же лошадь, которой стало стыдно за свою трусость, и она возвратилась къ своему хозяину, хотя и знала отлично дорогу домой. Увидѣвъ, что хозяинъ лежитъ и не двигается, она испугалась, быстро помчалась домой и стала тамъ такъ громко ржать передъ крыльцомъ, что разбудила всѣхъ, и снова помчалась къ своему хозяину. Она стала около него и все время ржала, пока наконецъ, часъ спустя, не пришли за ея хозяиномъ домашніе и не взяли его съ собой.

Вообще лошадь—очень предан-

ное и очень быстро соображающее животное. Кому неизвѣстны, напр., всѣ тѣ штуки, которыя лошадь исполняетъ въ циркѣ? Ученая лошадь иногда прямо-таки поражаетъ своею сообразительностью. Еще не такъ давно во всѣхъ циркахъ Европы показывали лошадь, которая угадывала карты, показывала цифры и знала таблицу умноженія. Когда ее спрашивали, напр., сколько будетъ четырежды восемь, то она отбивала передней ногой тридцать два удара. Но лошадь иногда соображаетъ не хуже своего хозяина и безъ всякой дрессировки. Такъ, у одной лошади въ ясляхъ стала нестись курица. Чтобы ее не замѣтилъ и не обидѣлъ челоуѣкъ, лошадь передъ каждой дачей корма закрывала ее совершенно остатками своего сѣна. Когда курица уходила, покидая свои яйца до слѣдующаго несенія, то лошадь ревниво оберегала ихъ отъ посторонняго взгляда; когда же курица стала ихъ высиживать и вывела наконецъ цыплятъ, то для лошади начались настоящія хлопоты. Ясли были устроены высоко отъ земли, курица слетала на землю и звала къ себѣ цыплятъ, цыплята-же были такъ малы, что не могли перескочить черезъ стѣнку ясель, а если-бы и перескочили, то упавши на землю, разбились-бы на смерть. Тогда лошадь сообразила. Она замѣтила гдѣ-то на дворѣ корзи-

ночку, тихонько взяла ее въ зубы и понесла къ себѣ на скотный дворъ. Положивъ эту корзиночку къ себѣ въ ясли, она загнала въ нее мордой всѣхъ цыплятъ, снова взяла ее за ручку зубами и спустила цыплятъ на землю. Курицѣ этого только и было нужно. Цыплятки тотчасъ-же выскочили на землю изъ корзиночки и побѣжали за своей маткой. Извѣстенъ еще и такой случай. Въ одномъ хуторѣ была старая лошадь, которая была уже такъ стара, что ее вовсе не употребляли на работы. Хозяинъ предоставилъ ей право спокойно доживать до самой смерти въ его хуторѣ. Хозяинъ жилъ одиноко. У него была дочь, но она вышла замужъ; одинъ изъ его сыновей пошелъ въ солдаты, а другой отправился въ городъ на заработки. Каждое утро хозяинъ выходилъ изъ дому въ опредѣленный часъ, растворялъ всѣ двери въ хлѣвахъ и выпускалъ всѣхъ животныхъ на волю. Однажды онъ занемогъ и не вышелъ утромъ выпустить скотъ. Старая лошадь ночевала подъ навѣсомъ и цѣлое утро бродила по двору въ ожиданіи хозяина. Сообразивъ, что завѣтный часъ уже прошелъ и что скотъ томится въ хлѣвахъ, она отправилась выпускать его сама. Она отодвинула зубами всѣ засовы, подняла всѣ щелкоды, выпустила скотъ на волю, а затѣмъ, съ сознаниемъ исполненнаго долга отправилась

посмотрѣть, что дѣлаетъ ея хозяинъ. Она заржала разъ и другой, но онъ ей не отвѣтилъ. Тогда она взялась зубами за ручку двери, повернула ее, отперла и вошла прямо въ домъ. Увидѣвъ, что хозяинъ лежитъ еще на постели, она хотѣла стащить его за рукавъ, но схватилась зубами за одѣяло и стянула его на полъ. Хозяинъ остался въ одномъ бѣльѣ. Далѣе она уже не поняла, въ чемъ дѣло, и спокойно вышла на дворъ.

Особеннымъ умомъ отличаются маленькіе шотландскіе пони. У одной дѣвочки былъ однажды такой маленькій пони, который не превышалъ ростомъ большую собаку. Онъ былъ не выше обыкновеннаго стола. Онъ отличался скромностью и спокойнымъ нравомъ и ему было позволено безпрепятственно гулять по саду. Дѣвочка часто каталась на немъ, и они были большими друзьями. Въ саду находился обширный бассейнъ, всегда наполненный водой, приготовленной для поливки. Вмѣстѣ съ дѣвочкой и съ пони всегда игралъ также большой сенъ-бернарскій песъ Томъ. Между пони и Томомъ всегда существовала тѣсная дружба.

Однажды, проходя мимо бассейна, дѣвочка уронила въ него нечаянно куклу. Она хотѣла было достать ее изъ воды, но кукла отъ паденія отплыла уже далеко.

— Томъ, обратилась она къ со-

бакѣ,—достань сейчасъ-же мою куклу!

Собака бросилась въ воду и вытащила куклу. Дѣвочкѣ это понравилось. Она снова кинула куклу въ воду и приказала Тому ее достать. Томъ исполнилъ ея приказаніе и на этотъ разъ. Такъ продолжалось нѣсколько разъ. Пони стоялъ тутъ-же и смотрѣлъ на происходившее. Онъ запомнилъ все до мельчайшихъ подробностей.

Въ тотъ-же день, оставшись въ саду одинъ, онъ выждалъ, когда садовникъ подошелъ къ бассейну и, ставъ на корточки, сталъ мыть въ немъ руки послѣ посадки цвѣтовъ; хитрый пони подкрался къ нему сзади, спихнулъ его въ воду и затѣмъ тотчасъ-же, точь въ точь, какъ это дѣлалъ Томъ съ куклой, вытащилъ его зубами за рубашку. Повторивъ эту операцію раза три, онъ весело заржалъ и отбѣжалъ въ сторону. Конечно, садовникъ не очень-то былъ благодаренъ пони за такое купанье, зато самъ пони былъ очень доволенъ.

У лошади есть дальній родственникъ—осель. Обыкновенно говорятъ, что это глупое, упрямое животное. Но это невѣрно. Осель—необыкновенно терпѣливое, работающее животное. Всю свою жизнь онъ работаетъ безропотно, таскаетъ непосильныя тяжести и, несмотря на свой маленькій ростъ, можетъ таскать на себѣ сразу двоихъ взрослыхъ человѣкъ такъ, что

спина его изгибается подъ ними дугой. Онъ очень уменъ и добродушенъ, но не любитъ, когда его заставляютъ дѣлать не то, что онъ лучше знаетъ, чѣмъ человѣкъ. Отсюда-то и обвиненіе его въ упрямствѣ. Осель отлично запоминаетъ дорогу. Разъ онъ прошелъ куда-нибудь, хотя бы за десятки верстъ, то онъ вернется обратно по той-же самой дорогѣ даже въ самую глухую, темную ночь, нисколько не измѣнивъ своего первоначальнаго пути. И если человѣкъ начнетъ его дергать, сбивать съ пути, то онъ просто — на — просто упрется въ первую-же березу лбомъ и не двинется съ мѣста. Но это вовсе не есть упрямство. Это есть только рѣшимость продолжать начатое дѣло до конца и исполнить его лучше, чѣмъ человѣкъ. Возложенное хозяиномъ порученіе осель исполняетъ съ необыкновенными точностью и находчивостью. И теперь еще можно видѣть на Кавказѣ и въ Средней Азіи цѣлыя стаи осликовъ, бѣгущихъ съ грузомъ по указанному хозяиномъ направленію безъ малѣйшаго присмотра со стороны человѣка. Сбросивъ грузъ въ указанномъ мѣстѣ, они снова возвращаются обратно для новой погрузки и такъ работаютъ безъ хозяина цѣлые дни. Осель необыкновенно остороженъ. Идя съ горы, онъ ощупываетъ передними ногами каждый камешекъ, каждую рытвинку. Не было еще

случая, чтобы осель сорвался и упалъ. Онъ переходитъ черезъ рѣку по единственному только круглому бревнышку, переброшенному случайно съ берега на берегъ. Но если рядомъ построятъ мостъ и это бревнышко не уберутъ, то онъ все равно будетъ переходить по нему и не пожелаетъ воспользоваться мостомъ. Осель не разборчивъ на пищу: онъ можетъ ѣсть всякую растительность, которую неизбалованная лошадь не возьметъ даже и въ ротъ; онъ лакомится колючками, которыя, казалось-бы, должны были-бы вонзиться ему въ нѣбо и въ языкъ, но онъ ни за что не прикаснется къ мутной водѣ. Какъ-бы онъ ни хотѣлъ пить, онъ не станетъ удовлетворять свою жажду изъ грязной канавы или изъ мутнаго источника. Для него всегда нужна обязательно прозрачная вода, при чемъ текучую воду онъ предпочитаетъ стоячей, какъ-бы чиста послѣдняя ни была. Одинъ, знающій дорогу осель, иногда проводитъ, куда требуется, цѣлое стадо другихъ ословъ и они всѣ его слушаются, точно заранѣе стоворившись въ этомъ, и не разбредаются въ стороны. Такъ, въ одну осажденную крѣпость нужно было доставить провіантъ. Всѣ попытки снабдить эту крѣпость съѣстными припасами оказывались тщетными и всякій разъ какъ они туда посылались, ихъ на дорогѣ отбивали оцѣпив-

Молоденькі чайки.

Въ ожиданіи грозы.

шіе крѣпость враги и захватывали ихъ себѣ. Тогда одному изъ мѣстныхъ жителей пришла въ голову счастливая мысль. Ему удалось выѣхать на своемъ ослѣ изъ осажденнаго города еще незадолго до осады и пробраться назадъ онъ уже не имѣлъ никакой возможности. У него тамъ оставалась семья. Его осель тоже, повидимому, скучалъ по своему хлѣву и тоже хотѣлъ домой въ осажденную крѣпость.

— Хотите отправить къ осажденнымъ провіантъ? обратился этотъ житель къ начальнику войскъ, старавшихся освободить крѣпость отъ враговъ.— Нагрузите сейчасъ сотню ословъ хлѣбомъ и крупой и мой осель ихъ туда всѣхъ проведетъ!

Быстро были найдены сто ословъ и нагружены провіантомъ. Хозяинъ подвелъ къ нимъ своего осла, похлопалъ по шеѣ и крикнулъ ему:

— Иди домой! Слышишь? Иди скорѣе домой!

Осель сообразилъ, понялъ и тотчасъ-же направился въ сторону осажденной крѣпости. Всѣ остальные ослы послѣдовали гуськомъ за нимъ. Всю дорогу они не оставали отъ него и никому изъ нихъ даже и въ голову не пришло свернуть въ сторону или вернуться домой съ полпути. Ослу были извѣстны только кратчайшія тропинки черезъ горы и черезъ сплошные кустарники. Пробираясь сквозь нихъ, онъ незамѣтно

довелъ свой караванъ до осажденной крѣпости и такимъ образомъ снабдилъ ее провіантомъ.

Между лошадыю и осломъ стоять мулъ и лошакъ. Это тоже очень полезныя животныя. Мулъ совсѣмъ похожъ на лошады, но только имѣетъ ослиныя уши и хвостъ и реветъ по ослину; лошакъ-же совершенно походить на осла, но только имѣетъ лошадиныя уши и хвостъ и ржетъ, какъ лошады. Мулъ питается тѣмъ-же, чѣмъ и лошады, а лошакъ ѣстъ такія-же колючки, какъ и осель. Мулъ такъ-же остороженъ и настойчивъ, какъ и осель, а лошакъ такъ-же добродушенъ и простоватъ, какъ и лошады. Мулъ живетъ дольше осла, а лошакъ—короче лошади. Но насколько лошакъ работаетъ хуже лошади и осла, настолько мулъ усвоилъ себѣ всѣ лучшія ихъ качества: онъ отличается силой, выносливостью, терпѣніемъ и необыкновенною способностью ползать по скаламъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ горы заходятъ за облака и отличаются своей неприступностью, люди ѣздятъ только на мулахъ. Взбираясь почти на отвѣсныя крутизны и спускаясь съ нихъ, они во все не управляютъ ими, и иной разъ цѣликомъ предоставляютъ себя и все свое достояніе искусству мула. Кажется, довольно одного только неосторожнаго шага и мулъ вмѣстѣ съ сѣдокомъ и съ грузомъ сорвется и повалится въ

пропасть. Но не тутъ-то было. Муль прыгаетъ, какъ коза, ползетъ на брюхѣ, упирается ногами и въ концѣ концовъ доставляетъ своего хозяина туда, куда ему приказано. Съ громаднымъ грузомъ на спинахъ мулы осторожно пробираются въ горахъ по тропинкамъ, вырубленнымъ на совершенно отвѣсныхъ скалахъ, имѣя надъ собой нависшіе горные массивы и подъ собой—глубокія пропасти, на днѣ которыхъ клубится вѣчный туманъ. Люди закрываютъ при этомъ глаза и отворачиваются, чтобы не смотрѣть внизъ, а мулы бодро, какъ козы, пробираются своей дорогой. У лошади при такихъ условіяхъ давно-бы уже закружилась голова и она упала-бы вмѣстѣ со своимъ сѣдокомъ внизъ и нашла-бы тамъ свой конецъ, а мулъ идетъ увѣренной поступью и съ сознаниемъ необходимости и важности порученнаго ему пути. У мула память развита еще болѣе, чѣмъ у осла. Когда мулъ возвращается назадъ и его хозяинъ вдругъ захочетъ свернуть съ пути и поѣхать на немъ куда-нибудь въ другое мѣсто, то ему приходится иногда испортить себѣ много крови, прежде чѣмъ уломать мула сойти съ привычнаго пути.

Тамъ, гдѣ неудобно ѣздить на лошади, ее замѣняютъ слонами. На слонахъ ѣздятъ преимущественно въ Индіи, хотя самые большіе слоны водятся и въ Африкѣ. Но

африканскіе туземцы не умѣютъ ихъ дрессировать и только истребляютъ ихъ зря изъ-за ихъ клыковъ, которые они продаютъ подъ именемъ слоновой кости. Рѣдкій слонъ въ Индіи рождается уже въ неволѣ: ихъ обыкновенно ловятъ и дѣлаютъ ручными. Не смотря на всю свою величину и кажущуюся громоздкость, слоны отличаются необыкновенными ловкостью и проворствомъ и исполняютъ у человѣка самыя замысловатыя работы. Ни одно животное во всей природѣ не обладаетъ такими силою и умомъ, какъ слонъ. Къ тому-же слоны очень послушны. Маленькій пятилѣтній ребенокъ можетъ управлять слонкомъ, и тотъ его слушается такъ-же, какъ и взрослого человѣка. Вообще слоны очень любятъ маленькихъ дѣтей. Они качаютъ ихъ колыбельки, катаютъ ихъ на себѣ и даже стираютъ ихъ бѣлье. Рассказываютъ, что одной индускѣ нужно было спѣшно куда-то уйти далеко одной. Не зная, куда помѣстить безъ себя своего младенца, она положила его передъ слонкомъ на землю и сказала животному:—„Стереги!“ Слонъ былъ привязанъ за ногу толстой веревкой къ пеньку и мирно щипалъ хоботомъ траву. Увидавъ ребенка, онъ тотчасъ-же понялъ, въ чемъ дѣло, пересталъ ѣсть траву и занялся младенцемъ. Онъ его каталъ у себя на головѣ, обмахивалъ его вѣткой отъ насѣкомыхъ,

и если-бы какому-нибудь дикому животному вздумалось его обидѣть, то ему пришлось-бы посчитаться со слономъ. Когда ребенокъ усталъ со слономъ играть, то слонъ оставилъ его въ покоѣ и сталъ описывать вокругъ него на веревкѣ кругъ, чтобы показать ему, что онъ ограждаетъ его отъ случайностей и на стражѣ его безопасности. И стоило только ребенку попробовать убѣждать изъ этого круга, какъ слонъ бережно бралъ его хоботомъ за воротъ и относилъ его къ центру круга. Ни одна дѣвочка не смогла-бы такъ заботливо ухаживать за своимъ маленькимъ братишкой, какъ это можетъ сдѣлать слонъ. Такое громадное животное, такое неуклюжее—и бываетъ способно исполнить такія мелкія работы, какія не подъ силу иногда даже самому искусному человѣку. Своимъ хоботомъ слонъ, какъ соломинку, поднимаетъ съ земли громадное двадцати-пудовое бревно и въ то-же время разыскиваетъ въ травѣ затерявшуюся иголку и собираетъ рассыпавшіяся по песку мелкія бусы. На островѣ Цейлонѣ у одного мѣстнаго врача былъ слонъ, на которомъ онъ посѣщалъ своихъ больныхъ. Такъ какъ аптекъ по близости не было, то докторъ самъ составлялъ лекарства и давалъ ихъ больнымъ. Посѣтивъ одного больного солдата, онъ приготовилъ для него пилюли и, не желая слѣзать со слона про-

тянулъ ихъ къ солдату внизъ. Солдатъ обчелся разстояніемъ, не успѣлъ ихъ схватить, и коробочка упала въ траву и всѣ пилюли высыпались изъ нея и рассыпались по сторонамъ. Тогда слонъ протянулъ къ тому мѣсту свой хоботъ и одну за одной всѣ ихъ выбралъ изъ травы, вложилъ въ коробочку и протянулъ ее къ солдату. Хоботъ слона, который дѣлаетъ его такимъ полезнымъ животнымъ для человѣка, представляетъ собою прямо-таки чудо природы: длинный, неуклюжій, болтающійся, какъ толстая некрасивая кишка, онъ однако настолько чувствителенъ у слона, такъ нѣженъ и въ то-же время такъ крѣпокъ, что слонъ можетъ убить имъ дикаго звѣря однимъ взмахомъ и въ то-же время поднять имъ съ земли волосокъ. Онъ имъ работаетъ, онъ имъ ѣсть и пьетъ и нѣтъ такого дѣла, которое слонъ могъ-бы исполнить безъ хобота. Когда нужно пилить для хозяина дрова, онъ пилитъ ихъ хоботомъ; когда нужно поливать у него на грядкахъ овощи, то онъ набираетъ полный хоботъ воды и прыскаетъ его грядки; когда слону нужно пить самому, то онъ выливаетъ эту воду себѣ изъ хобота прямо въ ротъ. Съ помощью хобота слонъ дышитъ, съ помощью его-же онъ отгоняетъ отъ себя вѣткой надоедливыхъ насекомыхъ. Ноздрями, помещенными въ концѣ хобота, слонъ такъ

далеко чуетъ, какъ ни одно живое существо въ мірѣ. Онъ слышитъ запахъ дикаго звѣря или своего господина за три версты. Слепой слонъ никогда не сбивается съ дороги, потому что чуетъ ее еще издалека и осязаетъ ее хоботомъ. Память слона удивительна: онъ цѣлые годы не забываетъ того, что съ нимъ однажды было. Но болѣе всего слонъ памятливъ на ласковое съ нимъ обращеніе. Ласки онъ не забываетъ никогда, но за то никогда не прощаетъ и обидѣ. Одинъ портной закаталъ въ кусокъ булки иголку и далъ ее съѣсть слону въ Зоологическомъ саду. Слонъ схватилъ хоботомъ булку, сразу же почувствовалъ въ ней иголку, укололся объ нее и выплюнулъ ее вмѣстѣ съ хлѣбомъ вонъ. На слѣдующій день портной опять пришелъ къ слону и что-то задумалъ сдѣлать еще. Слонъ узналъ его и, набравъ полный хоботъ воды, окатилъ ею портного съ ногъ до головы. Рассказываютъ еще и такой случай. Одинъ солдатъ, сидя на слонѣ, отъ скуки разбивалъ у него на головѣ молоткомъ орѣхи и ѣлъ. Это не понравилось слону. Когда войско, за которымъ слѣдовалъ и слонъ, проходило затѣмъ черезъ городъ, то слонъ схватилъ у проходившей мимо торговки изъ луженка орѣхъ и такъ сильно ударилъ имъ солдата по головѣ, что раскололись сразу и орѣхъ, и черепъ у солдата. Но за то сколько

случаевъ, когда слонъ спасалъ людей и положительно оказывалъ чудеса, чтобы только доказать имъ свою признательность за ихъ доброту! Объ этомъ можно было бы написать цѣлыя книги.

Черезъ песчанья пустыни человѣкъ переѣзжаетъ на верблюдѣ. Верблюда не даромъ прозываютъ кораблемъ пустыни, такъ какъ, кромѣ него одного, черезъ безводную пустыню нельзя переѣхать ни на какомъ другомъ животномъ. У лошади копыто глубоко уходило бы въ песокъ и она скоро бы уставала, къ тому же она и не выдержала бы въ пустынѣ бурь и вѣтровъ, когда цѣлыми тучами поднимается мельчайшій песокъ и залѣпляетъ животному носъ и глаза. Верблюдъ же устроенъ такъ, что его ноги ступаютъ по песку точно въ лаптяхъ или точно онъ идетъ на лыжахъ, какъ ходитъ на лыжахъ человѣкъ по глубокому снѣгу и не угружаетъ. Къ тому же у верблюда и ноздри устроены по особенному: онъ можетъ ихъ плотно сжимать, такъ что поднятый вѣтромъ песокъ вовсе не проникаетъ ему въ легкія. Но самое важное его преимущество заключается въ томъ, что онъ можетъ въ пустынѣ вовсе обходиться безъ воды. Когда ему случается добираться до воды и представляется возможность пить, то онъ уже напивается сразу, на нѣсколько дней, такъ

что цѣлую недѣлю затѣмъ можетъ обойтись безъ единой ея капли. Не смотря на палящій зной и на грузь, онъ идетъ себѣ черезъ сыпучіе пески, какъ ни въ чемъ не бывало, и — странное дѣло — можетъ пробѣжать безъ малѣйшаго отдыха цѣлый день и затѣмъ половину ночи, дѣлая по десяти и даже по пятнадцати верстъ въ часъ. Ни одно другое животное не могло бы выдержать такого непрерывнаго, длиннаго путешествія, какія приходится совершать „кораблю пустыни“ изо-дня въ день.

У лапландцевъ и другихъ народовъ, населяющихъ дальній сѣверъ, роль верблюда исполняетъ сѣверный олень. Это небольшое, неприхотливое животное можетъ пробѣгать по пятнадцати верстъ въ часъ и, такъ же, какъ и верблюдъ, находится въ пути безъ отдыха въ теченіе цѣлаго дня. Услуги сѣвернаго оленя, оказываемыя имъ своему хозяину, неисчислимы: его хозяинъ питается его мясомъ, его дѣти пьютъ его молоко, вся его семья живетъ въ палаткахъ, сшитыхъ изъ его кожи, изъ его шерсти женщины дѣлаютъ войлокъ и сукно, изъ его костей и роговъ мужчины вырѣзаютъ разныя домашнія вещи, его

жиромъ освѣщаютъ свои жилища въ продолженіе всей длинной полугодовой зимы. Какъ и верблюдъ, сѣверный олень довольствуется самымъ ничтожнымъ количествомъ пищи и при томъ такой, какую не стало бы ѣсть ни одно домашнее животное. Очень часто сѣверному оленю приходится и вовсе оставаться въ пути безъ ѣды или же раскапывать копытами, рогами и мордой снѣгъ и доставать съ обмерзлой земли жалкіе остатки мховъ и лишаяевъ и удовлетворять ими свой голодь.

Какъ ни былъ удивленъ мореплаватель Кортесъ, не найдя въ Мексикѣ ни одной лошади, мексиканцы съ своей стороны были бы очень удивлены, если бы увидели всѣхъ перечисленныхъ животныхъ въ работѣ на человѣка и убѣдились бы въ ихъ преданности, незлобіи, безграничномъ терпѣніи и любви къ хозяину. „Умомъ собаки держится семья“, говоритъ турецкая пословица, имѣя въ виду первобытнаго человѣка, разводившаго стада овецъ еще во времена нашихъ прародителей. Къ этой пословицѣ можно прибавить еще и такую: „Трудомъ домашнихъ животныхъ богатѣетъ и развивается человѣкъ“.

По «The Childr. Encycl».

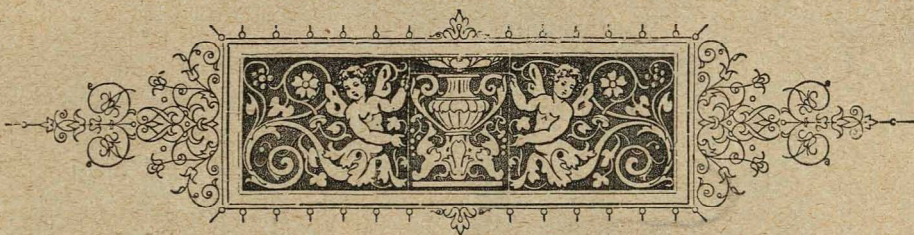

ЛѢТНЯЯ КАРТИНКА.

Все ярче солнце, день длиннѣе,
 А надъ прудомъ ужъ кое-гдѣ,
 Межъ узкихъ листиковъ, бѣлѣя,
 Склонились ландыши къ водѣ.
 И, какъ зеленяя иголки,
 Пробилась травка. Цѣлый день
 Въ аллеѣ, гдѣ цвѣтеть сирень,
 Кружатся золотыя пчелки.
 Взобравшись важно на ограду,
 Захлопалъ крыльями пѣтухъ...
 Нарядно яблони вдоль сада
 Одѣлись въ бѣлый нѣжный пухъ.

Душисты, зелены и клейки
 Листочки тонкихъ тополей,
 А на пескѣ, въ тѣни аллеи,
 Играютъ солнечныя змѣйки.
 Вотъ пѣсь цѣпной рванулся, лая
 На куръ, бродящихъ на дворѣ,
 И воробьевъ вспугнувши стаю,
 Улегся снова въ конурѣ.
 Все тихо... Солнце свѣтитъ ярко,—
 А воздухъ тепель и душистъ,
 Лишь звонкой иволги изъ парка
 Пугливый слышенъ пересвистъ.

Е. Оберучева.

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ.

Разсказъ моей прабабушки.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Такъ проходили дни за днями и наступило наконецъ то время, когда нужно было насъ учить. Папа и мама долго совѣщались между собой и отдали меня, Эме и Нелли въ общественную школу, которая находилась въ двухъ верстахъ отъ нашего хутора. Каждое утро Вольфъ запрягалъ лошадь и отвозилъ насъ туда и затѣмъ при-

ѣзжалъ за нами къ тремъ часамъ. Это были прелестныя прогулки! Всю дорогу мы смѣялись, Вольфъ былъ неистощимъ на шутки и на остроты и, не успѣвъ приѣхать въ школу, мы уже съ нетерпѣніемъ ожидали, когда будемъ возвращаться обратно. По пути домой, мы иногда останавливались, привязывали лошадь и начинали

Новая мама.

ES

— Дай и мнѣ кусочекъ!

играть на травѣ. Въ одну изъ такихъ остановокъ Вольфъ неожиданно вынулъ изъ кармана книжку и, усѣвшись на траву, сталъ намъ читать интересную исторію про Рыцарей Круглаго Стола. Мы тѣсно прижались къ нему и слушали его съ такимъ интересомъ, что и не замѣтили, какъ лошадь отвязалась и сама собой ушла домой. Увидѣвъ ее одну, съ развязаннымъ поводомъ и съ волочившимися на землѣ вожжами, папа испугался, подумалъ, что она насъ разнесла и что мы гдѣ-нибудь валяемся на дорогѣ безъ признаковъ жизни. Не смотря на свой почтенный возрастъ, онъ со всѣхъ ногъ побѣждалъ намъ на встрѣчу и каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ всѣхъ насъ четверыхъ, мирно сидѣвшими на зеленой травкѣ и увлечшимися чтеніемъ про рыцарей.

— Что вы здѣсь дѣлаете? воскликнулъ онъ. — Гдѣ же ваша лошадь?

Мы вздрогнули. Вилли встрепетулся и оглядѣлся вокругъ.

— Она была здѣсь... сказалъ онъ. — Я самъ ее привязывалъ вотъ къ этому пеньку.

Довольный, что всѣ мы были невредимы, папа разсмѣялся и сказалъ, что лошадь уже дома. Намъ все-таки было неловко и мы уже виновато послѣдовали за отцомъ домой цѣпкомъ.

— Ну, чѣго приуныли? спросилъ онъ. — Радуйтесь, бѣгайте, смѣйтесь!

Но у насъ уже не выходило ничего. Чтобы развлечь насъ, онъ сталъ задавать намъ самые простые вопросы изъ ариѳметики, грамматики и Новаго Завѣта. Но

мы такъ плохо знали, что не отвѣтили ему ни на одинъ вопросъ.

— Эге! сказалъ онъ. — Да вы, я вижу, не преуспѣли ни въ чемъ. Ходите въ школу уже цѣлый годъ, а знаній не приобрѣли еще никакихъ.

Онъ далъ мнѣ въ руки зонтикъ и приказалъ мнѣ написать имъ на пескѣ слово „еще“. Я покраснѣла и написала такъ: „исчо“.

— А ну-ка ты, Нелли, напиши: кошка лежитъ на печкѣ!

Нелли храбро взялась за зонтикъ и начертила такъ: „кошка лежидъ на петсшке“.

При этомъ она такъ смѣло и увѣренно посмотрѣла папѣ въ лицо, точно дѣйствительно въ ея писаніи не было ни одной ошибки.

Папа вздохнулъ, покачалъ головой и не сказалъ больше ничего. Вилли фыркнулъ въ кулакъ. Эме, которой папа вовсе не дѣлалъ экзамена, угрюмо молчала. Такъ мы и пришли домой. Мама насъ побранила за лошадь, а потомъ все вошло въ свою колею и мы мирно закончили нашъ день. Но ложась спать, я слышала, какъ папа и мама еще долго совѣщались о нашемъ образованіи. Папа жаловался мамѣ, что мы не сдѣлали еще ровно никакихъ успѣховъ, мама ужасалась и всплескивала руками, а затѣмъ я заснула и уже не слышала ничего. Я только слышала, какъ мама подъ конецъ сказала:

— Ну, дѣлать нечего, Оливеръ, подождемъ ужъ до осени!

На что папа отвѣтилъ:

— Жаль только, Фреда, что даромъ пропалъ цѣлый годъ! Надо было бы отдавать ихъ не въ общественную школу, а сразу въ ка-

кой-нибудь хорошій, благородный пансіонъ!

— Это вѣрно! подтвердила мама.— Но время еще не ушло!

А далѣе ихъ разговоръ смѣшался у меня въ ухахъ и я стала уже видѣть сонъ изъ подвиговъ Рыцарей Круглаго стола.

Насъ вскорѣ распустили на лѣто, а затѣмъ за веселыми хлопотами и трудами по усадьбѣ мы и оглянуться не успѣли, какъ мелькнули іюнь и іюль и какъ настала середина августа. Хлѣбъ и картофель были уже собраны и сложены въ амбары, папа былъ доволенъ урожаемъ и, чтобы сдѣлать намъ, дѣвочкамъ, приятное, вдругъ неожиданно сказалъ:

— Ну, барышни, укладывайте ваши вещи! Мы скоро ѣдемъ!

— Ёдемъ? воскликнули мы въ одинъ голосъ.— Куда?

— Въ Лондонъ. Учиться. Я повезу васъ всѣхъ троихъ въ пансіонъ.

Мы обрадовались и запрыгали. О Лондонѣ мы не смѣли и мечтать. Но затѣмъ какое-то безпокойное чувство шевельнулось у меня въ груди и мнѣ вдругъ стало невыносимо жаль разставаться съ нашимъ домикомъ и садомъ, къ которымъ я такъ привыкла. Эме тоже потомъ нахмурилась. Одна только Нелли все еще продолжала прыгать, какъ коза. Она безъ умолку задавала папѣ вопросы, спрашивала его о Лондонѣ и къ вечеру прямо-таки потеряла голову. А я и Эме еще долго перешептывались между собой и не знали, радоваться намъ или печалиться.

— Я не люблю Лондона! сказала Эме.— Мнѣ здѣсь у васъ лучше, чѣмъ было тамъ!

— Ты только молчи, Эми, отвѣтила я,— не говори объ этомъ папѣ! Онъ хочетъ сдѣлать для насъ приятное и твое возраженіе можетъ его обидѣть!

И мы больше не спрашивали папу ни о чемъ и не говорили ему ничего.

Затѣмъ начались сборы въ Лондонъ. За цѣлыя двѣ недѣли мама начала шить для насъ съ приглашенной нарочно швеей бѣлье, мы тоже, какъ дѣвочки, получили свою работу: штопали чулки и ставили на дырочки заплатки. Я все время грустила. Мнѣ жаль было разставаться со своими милыми развалинами, со своимъ домомъ, съ родителями и со всѣмъ, къ чему я такъ привыкла со дня своего рожденія. Кромѣ того во мнѣ страдала моя гордость. Здѣсь всѣ насъ знали и уважали, моего папу всѣ сосѣди считали высокопросвѣщеннымъ человѣкомъ и всѣ поселяне при встрѣчѣ съ нами снимали шапки и вѣжливо съ нами раскланивались. Въ Лондонѣ же насъ не будетъ знать никто, мы лишимся тамъ деревьевъ, травы и рѣчки и нѣсколько лѣтъ должны будемъ провести въ четырехъ стѣнахъ. Меня это ужасало. Но объ этихъ моихъ опасеніяхъ я не сказала никому, даже Эме. Счастливая Нелли все равно меня не поняла-бы, а Эме я боялась разстроить: она и безъ того ходила хмурая и мало говорила.

— Но въ какой пансіонъ, папа, ты хочешь насъ отдать? спросила наконецъ я отца.

На лицѣ у него появилось серьезное торжественное выраженіе. На губахъ заиграла довольная улыбка.

— Я хочу, чтобы вы получили такое образование, отвѣтилъ онъ, — чтобы каждая изъ васъ могла впоследствии заработать для себя свой насущный хлѣбъ сама. Каждый человекъ долженъ быть самостоятельнымъ и не зависѣть ни отъ кого.

— Но куда-же ты насъ отдашь?

Папа поднялъ палецъ кверху и многозначительно произнесъ:

— О!.. Это—замѣчательный пансіонъ! Туда принимаютъ дѣвицъ только по особой рекомендаціи! Я заручился для васъ рекомендательнымъ письмомъ.

Я помялась.

— Жаль только, сказала я смѣло, — что тамъ не будетъ травки и деревьевъ... Говорятъ въ Лондонѣ все камни и камни...

— О, не беспокойся, дитя мое! воскликнулъ отецъ. — Пансіонъ г-жи Джексонъ помѣщается не въ самомъ Лондонѣ, а въ его окрестностяхъ! Въ превосходномъ, тѣнистомъ паркѣ!

У меня отлегло отъ сердца, я обрадовалась и побѣжала къ Эме.

— Эми, слышишь? крикнула я еще издали. — Нашъ пансіонъ будетъ находиться въ тѣнистомъ паркѣ! Нашей начальницей будетъ г-жа Джексонъ!

Но Эме приняла эту вѣсть совершенно спокойно.

— Ты недовольна? спросила я ее.

— Здѣсь лучше!.. вздохнула она и вышла въ сосѣднюю комнату.

Вечеромъ, когда мы укладывались спать, я снова обратилась къ Эме:—

— Какъ ты думаешь, спросила я, — г-жа Джексонъ будетъ злая или добрая?

Эме была развита далеко впе-

реди своихъ лѣтъ и всегда рассуждала серьезно, какъ большая.

— Я знаю только то, отвѣтила она отрывисто, — что нашей свободѣ пришелъ конецъ. Тамъ уже нельзя будетъ бѣгать съ Вольфомъ по травкѣ и слушать его чтеніе! Тамъ—городъ!

Я вспомнила почему-то о развалинахъ, о зябликѣ, о найденномъ мною серебряномъ кубкѣ и мнѣ такъ вдругъ стало жалко съ ними расставаться! Но молодость взяла свое—и я заснула.

Съ самаго утра слѣдующаго дня мы стали укладываться въ дорогу. Всю свою жизнь всѣ мы провели въ деревнѣ, ни разу никогда не выѣзжали—и сборы происходили у насъ совершенно безуспѣшно. Начать съ того, что у насъ не оказалось въ домѣ чемодановъ и корзины и пришлось все завязывать въ узлы. Мама ахала, что всѣ наши платья изомнутся, и подъ конецъ, выбившись изъ силъ, стала плакать. Папа пришелъ къ ней на помощь и освободилъ свой единственный во всемъ домѣ кожаный чемоданъ, съ которымъ еще послѣ окончанія университета пріѣхалъ сюда изъ Лондона. Этому чемодану было уже лѣтъ тридцать и онъ принадлежалъ еще нашему дѣдушкѣ, папинуму отцу. Онъ былъ сдѣланъ изъ мягкой кожи и когда онъ былъ набитъ, то походилъ на матрацъ. Дѣдушка клалъ его во время путешествій на дно тарантаса и спалъ на немъ въ дорогѣ. Этотъ чемоданъ мы называли почему-то „гипотенузой“ и любили на немъ кувыряться. Съ нимъ-то мы и отправились въ Лондонъ. Когда мы ѣхали тамъ съ вокзала въ пан-

сіонъ къ г-жѣ Джексонъ, то всѣ встрѣчные смѣялись съ этой гипотенузы, и намъ, дѣвочкамъ, было неловко.

Наканунъ отъѣзда мы рано улеглись спать. На слѣдующее утро мы были разбужены чуть свѣтъ. Отъ волненія и утренней прохлады я такъ дрожала, что у меня стучали зубы. У крыльца уже стоялъ нашъ многомѣстный рыдванъ и въ него слуги укладывали наши пожитки. Затѣмъ началось разставаніе съ мамой. Она плакала въ три ручья, мы—тоже. Слыханное-ли дѣло, чтобы мы разставались такъ на долго! Вольфъ старался казаться веселымъ, подбадривалъ насъ и насильно улыбался. Я не знаю, чѣмъ бы кончилось это трогательное прощанье, если-бы отецъ сразу-же не положилъ ему конецъ.

— Ну, пора, пора! сказалъ онъ.— Вѣдь не въ Азію ѣдете, а въ Лондонъ! И не въ рабство, а учиться.

И, обратившись къ мамѣ онъ продолжалъ:

— Я, Фреда, глубоко уважаю въ тебѣ твое материнское чувство, но вѣдь нельзя-же наводить тоску и на дѣвочекъ!

Мама спохватилась, быстро отерла слезы и, уже смѣясь и подшучивая надъ нами, стала отправлять насъ въ дорогу.

— Ну, прощайте! крикнулъ папа, когда мы всѣ четверо уже усѣлись въ рыдванъ.—Оставайтесь благополучны! Трогай!

Кучеръ Круксъ щелкнулъ бичемъ, и мы поѣхали. Скоро нашъ милый хуторъ скрылся за нашими спинами, мимо насъ мелькнули развалины, мы переѣхали черезъ

мостъ и покатали къ Лондону. Летали ласточки, утро еще только что начиналось и на травѣ стояла сѣрая роса. Черезъ часъ мы выбрались на главное шоссе и уже по нему отправились далѣе. Тогда еще не было желѣзныхъ дорогъ и всѣ путешествія совершались на лошадяхъ. Мы ѣхали на своей парѣ и потому останавливались каждыя двадцать верстъ отдыхать. Мы не въѣзжали въ постоянные дворы, а свернувъ всякій разъ въ бокъ, располагались прямо на травѣ или въ лѣску, распрягали лошадей, разстилали коверъ и начинали варить кашу или кипятить для чая воду. Это насъ ужасно занимало, и всѣ мы были очень рады такому путешествію.

Къ вечеру мы прибыли въ Лондонъ. Долгое путешествіе утомило насъ и, когда мы въѣзжали въ столицу, то уже ничто не занимало насъ и мы угрюмо молчали. Нелли повисла на шеѣ у отца, Эме прижалась къ нему спиной, а я по-турецки сидѣла на гипотенузѣ и покачивалась на ней съ боку на бокъ, какъ на кораблѣ.

— Вотъ такъ экипажъ! указывали на насъ прохожіе.—Вотъ такъ чемоданъ! Это, должно быть, Ноевъ ковчегъ!

Кругомъ насъ ключомъ кипѣла жизнь, суетились люди, насъ обгоняли экипажи и попадались намъ навстрѣчу, такъ что нашъ бѣдный Круксъ, привыкшій ѣздить только въ деревнѣ, терялъ голову и не зналъ, какъ править лошадьми.

— Держи, вправо! кричали ему.—Держи влѣво! Что ты ослѣпъ, что-ли, деревенскій болванъ, что ѣдешь прямо на людей!

А одинъ разъ насъ остановилъ

даже городской и записалъ въ книжку фамилію папы и Крукса.

— Ну, теперь будетъ бѣда! вздохнулъ Круксъ.— Теперь насъ оптрафуютъ за неправильную ѣзду!

И дѣйствительно, какъ я узнала впоследствии, папу и Крукса оптрафовали по два шиллинга каждаго.

Лондонъ мнѣ не понравился съ перваго-же взгляда. Громадныя каменные постройки, трескотня экипажей по мостовымъ, толпы народа на улицахъ и фабричный дымъ, висѣвшій надъ городомъ, произвели на меня неприятное впечатлѣніе. Меня сразу же потянуло назадъ, къ себѣ на хуторъ, къ своимъ полямъ и лугамъ, гдѣ порхаетъ теплый, чистый вѣтерокъ и гдѣ высоко-высоко, подъ голубыми небесами, летаютъ ласточки и поютъ на деревьяхъ счастливыя птицы. Я схватила Эме за руку и пожалала ее. Она точно поняла мое душевное настроеніе и отвѣтила мнѣ такимъ-же пожатіемъ.

Мы проѣхали черезъ весь Лондонъ, пересѣкли его изъ края въ край и выѣхали наконецъ въ одно изъ его предмѣстій на другомъ его концѣ. Мимо насъ потянулись подстриженныя деревья, мостовыя смѣнились гладенькими шоссе и наконецъ нашъ рыдванъ остановился около длиннаго деревяннаго забора, по срединѣ котораго была сдѣлана калитка. Надъ калиткой висѣла вывѣска: „Пансіонъ г-жи Джексонъ для благородныхъ дѣвиць“. Теперь ужъ для меня было ясно, что все это путешествіе было не сномъ, а дѣйствительностью, и что теперь для насъ должна была начаться новая жизнь.

— Приѣхали! сказалъ папа и

сталъ вылѣзать изъ рыдвана и разминать уставшіе члены. — Уфъ! Наконецъ-то...

Мы всѣ три тоже выскочили изъ экипажа.

— Ну, пойдете!.. обратился къ намъ папа.— А Круксъ вѣдетъ вонъ въ тѣ ворота во дворъ и выгрузить вещи! Проститесь, дѣвочки, съ Круксомъ.

Мы всѣ три сдѣлали нашему кучеру реверансъ и отправились вслѣдъ за папой. Онъ ввелъ насъ черезъ калитку въ довольно порядочный садъ.

Минуты двѣ спустя, мы всѣ уже сидѣли въ пріемной пансіона и ожидали, когда выйдетъ къ намъ сама г-жа Джексонъ. Мы всѣ три испытывали точно такія-же чувства, какія наполняютъ и каждую дѣвочку, которая готовится къ встрѣчѣ со своей начальницей. Я до сихъ поръ помню эту минуту. Да, кажется, и самъ нашъ папа тоже испытывалъ нѣкоторое волненіе за своихъ дочерей.

— Бодро, бодро! шепталъ онъ намъ.— Держитесь прямѣе, не горбитесь! Не робѣйте! Здѣсь васъ не съѣдятъ.

Сколько я припоминаю, пріемная была такая-же, какъ и теперь въ гимназіяхъ. Только въ ней тогда, несмотря на лѣто, было почему-то холодно. На столѣ были разложены книги, по стѣнамъ висѣли портреты писателей и въ двухъ шкафахъ были разставлены на полочкахъ чучелы различныхъ животныхъ и птицъ, тилы народовъ и геометрическія фигуры.

Пока я оглядывала боязливо эту пріемную, вдали вдругъ послышалось хлопанье дверьми и раздавался женскій голосъ: — „Они ожидаютъ

меня въ пріемной?“ И вслѣдъ затѣмъ дверь около меня распахнулась и къ намъ вышла сама наша начальница г-жа Джексонъ. Она вошла такъ быстро, точно ураганъ. Очевидно, она спѣшила. Я ожидала встрѣтить въ ней сгорбленную старуху, въ большомъ чепцѣ и съ очками на носу, но она оказалась еще моложавой, красивой дамой лѣтъ сорока. Она была висока ростомъ и красиво сложена. Пріятная ласковая улыбка свѣтилась у нея на лицѣ и всѣ движенія ея были быстры, какъ у молоденькой дѣвушки. Она въ одинъ моментъ оглядѣла всѣхъ насъ трехъ и, повидимому, осталась довольна нашимъ внѣшнимъ видомъ, потому что глаза ея также ласково заулыбались, какъ и губы.

— Къ вашимъ услугамъ!.. обратилась она къ папѣ и протянула ему руку.

Онъ всталъ передъ ней, расшаркался и отвѣсилъ ей церемонный поклонъ. И прежде чѣмъ онъ собрался ей отвѣтить, она быстро засыпала его вопросами сама. Ей было некогда долго разговаривать съ провинціалами.

— Это ваши дѣвочки? заговорила она. — Вы хотите, чтобы онѣ всѣ три учились у меня? Соня, Нелли и Эми? Ну, что-жъ, отлично! Есть у васъ рекомендаціи?

Папа досталъ изъ кармана толстый провинціальный бумажникъ, медленно вынулъ изъ него рекомендательное письмо и съ медленнымъ же церемоннымъ поклономъ подаль его начальницѣ.

Г-жа Джексонъ распечатала письмо, быстро пробѣжала его, такъ быстро, что намъ даже показалось, будто она его вовсе и

не читала, — и протянула руку папѣ.

— Очень рада, г-нъ Хартрей, сказала она, — что имѣю честь разговаривать съ такимъ почтеннымъ господиномъ, какъ вы. Радуюсь также, что ваши дѣвочки попали именно ко мнѣ. Науки, руководѣнія, французскій и нѣмецкій языки, игра на фортепіано и умѣнье шить, кроить и готовить вкусный обѣдъ, — вотъ главные предметы, на которые въ моемъ заведеніи обращено особое вниманіе. Курсъ — трехлѣтній. Плата — по тридцати фунтовъ въ годъ. Одежда и постельное бѣлье — ваши. Все остальное содержаніе — мое.

Папа въ знакъ согласія отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Ну, вотъ и отлично! Значитъ, ваши дѣвочки съ нынѣшняго-же дня поступаютъ ко мнѣ!

И обратившись къ намъ, она прибавила:

— А васъ, мои милыя, прошу ни на одну минуту не забывать, что теперь я для васъ замѣнк родную мать и что вы должны теперь ничего отъ меня не скрывать и во всемъ обращаться за совѣтомъ только ко мнѣ одной и больше ни къ кому!

Папа просіялъ отъ удовольствія. Мы благочестиво сложили на животикахъ ручки и встали со своихъ мѣсть.

— Запомните также слѣдующее правило моего заведенія, продолжала г-жа Джексонъ: — „Свято исполняй свой долгъ!“

Я обрадовалась и тоже улыбнулась.

— Мнѣ это правило уже знакомо! воскликнула я. — Оно написано у меня на серебряномъ кубкѣ!

Въ Англии.

Дѣдушка и внучекъ.

— Ну, вотъ и отлично! отвѣтила начальница. — А теперь пойдѣте къ дѣвочкамъ!

Она протянула папѣ руку, онъ почтительно пожалъ ее и затѣмъ простился съ нами. Прощанье было короткое, потому что г-жа Джексонъ не ждала. Я только мелькомъ черезъ плѣчо, взглянула на отца, и мы разстались на долго.

Начальница повела насъ по коридору.

— Я позабыла, какъ тебя зовутъ?.. обратилась она къ Эмѣ.

— Эмѣ, мадамъ! отвѣтила моя названная сестра.— Но дома меня звали Эми, на англійскій ладъ.

— Это что-же еще такое за „англійскій ладъ“? И почему ты называешь меня „мадамъ“?

Эмѣ смутилась.

— Виновата... пролепетала она.— Но я не англичанка, а французженка...

— Французженка?! удивилась начальница.— Значить, ты не дочь г-на Хартрея, а его родственница?

— У меня нѣтъ никого родныхъ, мадамъ...

Меня это задѣло за живое. Я вспыхнула.

— О, Эмѣ! воскликнула я.— Ну, развѣ-же мы всѣ для тебя не родные!

Начальница остановилась и пристально посмотрѣла на меня и на Эмѣ.

— Кажется, здѣсь есть какая-то тайна? спросила она и потомъ, не желая придавать значенія замѣчанію Эмѣ и моему воплю, весело продолжала:— Ну, да ладно! Послѣ разберемъ! А теперь пойдѣте пить чай. Слышите, уже звонокъ къ чаю?

И дѣйствительно, гдѣ-то въ глубинѣ раздался тоненькій, нѣжный звоночекъ.

Мы поднялись наверхъ и вошли въ большую, свѣтлую, просторную комнату, въ которой стояли столы, и на нихъ были разставлены чашки и большіе чайники. Около столовъ еще не было никого, но слышно было, какъ гдѣ то внизу ступали сразу цѣлые десятки ногъ. Это шли сюда другія воспитанницы.

— А теперь, пока еще есть время, обратилась къ намъ начальница,— пойдѣте, я покажу вамъ вашу комнату.

Она ввела насъ въ небольшую комнату съ тремя кроватями, въ которой уже были поставлены наши вещи. Мы удивились, что такъ скоро. Вѣдь мы не слышали, какъ она распорядилась, чтобы ихъ внесли именно сюда. Точно по щучьему велѣнью. Начальница оставила насъ однѣхъ и вышла.

— А она добрая! радостно воскликнула Нелли.— Она на насъ не будетъ ругаться!

Я засмѣялась. А Эмѣ вздохнула и мечтательно проговорила:

— Все таки это не ваша мама и здѣсь не будетъ такъ хорошо, какъ у васъ...

— Почему это „у васъ?“ возразила я.— Развѣ нашу маму и нашъ хуторъ ты не считаешь своими?

Эмѣ вздохнула.

— Здѣсь, въ Лондонѣ, отвѣтила она и опустила глаза,— я все вспомнила и мнѣ такъ стало здѣсь одиноко! На хуторѣ мнѣ не казалось, что я не ваша, а здѣсь вдругъ стало казаться.

— Глупости! оборвала я ее.— Ты наша и будешь нашей всегда!

Въ эту минуту вошла горничная и сказала, что чай готовъ. Мы почему-то пили его только

однѣ, въ отдѣльной комнатѣ, тогда какъ всѣ другія воспитанницы сидѣли въ столовой и, звеня чашками и ложками, пили его въ столовой и весело смѣялись.

Затѣмъ начальница вызвала насъ къ себѣ, приняла отъ насъ по счету все бѣлье, сказала намъ нравоученіе, поцѣловала каждую изъ насъ въ обѣ щеки и погладила по головѣ.

—Ну, теперь бѣгите спать! ска-

зала она.—Уже пора! Девять часовъ!

Мы сдѣлали ей реверансъ и побѣжали къ себѣ въ комнату.

Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ мы раздѣлись, умылись и бросились въ постельки! Вѣдь мы не спали съ четырехъ часовъ утра и столько впечатлѣній испытали за этотъ день, сколько не испытывали ихъ за всю нашу жизнь!

По «The silver flagon» изъ «Chatterbox».

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТИХІЙ ВЕЧЕРЬ.

... Спустился вечеръ... Солнце
сѣло,
Росой упитана земля,
Кричатъ лягушки, все зацѣло
И слышенъ крикъ коростеля.

И надъ рѣчушкой суетливой
Встаетъ таинственный туманъ
И ужъ домой идетъ крикливо
Гусей усталыхъ караванъ.

Крестьянинъ лошадь распрягаетъ,
Сама пастись идетъ она
И все въ усадьбѣ затихаетъ
И ищетъ отдыха и сна.

Зажглися звѣздочки, какъ свѣчки,
Все спить... Кричитъ лишь
коростель,
Да только тамъ, вдали, за рѣчкой
Поетъ унылая свирѣль...

Кузнечикъ.

ОДНОГЛАЗЫЙ ДРУГЪ.

Только-что воробей сдѣлалъ дватри скачка по террасѣ впередъ, какъ кошка Мурка съ быстротою молнии бросилась на него и... бѣдный воробушекъ оказался у нея когтяхъ...

Сидѣвшій тутъ же Федя съ крикомъ кинулся за кошкой, а она со своей добычей бросилась съ террасы въ садъ и спряталась въ кусты...

Федя тоже бросился въ кусты, догналъ ее и ловко схватилъ ее за хвостъ.

— Ага! Не уйдешь! — закричалъ онъ.

И онъ высвободилъ воробья изъ пасти кошки.

Воробей былъ весь измятъ; одинъ глазокъ у него былъ прокусанъ а другой, часто-часто мигая, заволакивался бѣлой пленкой...

— Бѣдный, воробушекъ!.. — сказалъ Федя и понесъ показывать его мамѣ...

Мама тоже пожалѣла воробушка и посовѣтовала сыну поухаживать за нимъ.

Федя разыскалъ на чердакѣ старую, давно брошенную клѣтку и посадилъ въ нее раненую птичку...хлопоты о воробѣ доставили ему большую радость.

Онъ то и дѣло сыпалъ въ клѣтку пшено, таскалъ водичку въ игрушечномъ жестяномъ ведерочкѣ, желалъ птицѣ покойной ночи, а утромъ, проснувшись, первымъ же дѣломъ бѣжалъ на террасу и смотрѣлъ, живъ-ли воробей, лучше-ли ему, и радовался, когда видѣлъ, что воробушекъ уже пьетъ воду и клюетъ пшено...

Съ каждымъ днемъ воробушекъ становился все живѣе. Единственный глазокъ его сталъ смотрѣть бойко. Иногда воробушекъ слегка вспархивалъ въ клѣткѣ, словно пробуя свои крылья, и приводилъ этимъ въ неописанный восторгъ Федю...

Прошелъ мѣсяць.

Федя привязался къ своему крылатому другу. Воробушекъ пересталъ дичиться мальчика. Когда Федя просовывалъ ему ладонь со свѣжимъ пшеномъ, то воробей вспархивалъ на нее и клевалъ пшено прямо съ руки.

Мурка гдѣ-нибудь изъ угла террасы посматривала на свою жертву, но сдѣлать ничего не могла: клѣтка была привѣшана достаточно высоко. Федя обыкновенно подставлялъ стулъ, когда нужно было поставить птичкѣ воды или насыпать пшена. А когда Федя замѣчалъ притаившуюся гдѣ-нибудь въ углу Мурку, то онъ ее просто прогонялъ.

Приѣхала Фебина взрослая сестра Поля. Федя тотчасъ-же потащилъ ее къ своему одноглазому пріятелю, рассказывая ей всю его исторію. Къ нимъ присоединились папа, мама и даже кухарка Лукерья. Шествіе замыкала кошка Мурка, держась сторонкой, чтобы ее не замѣтилъ Федя.

Федя всталъ на стулъ, снялъ со стѣны клѣтку и торжественно поставилъ ее на столъ. Глаза его сіяли и онъ не умолкая рассказывалъ о воробѣ.

На другой день, когда всѣ сидѣли за чаемъ, Поля сказала Федѣ:

— Что-же, Федя, ты хочешь такъ и оставить въ клѣткѣ этого воробья?..

Федя опечалился. Онъ самъ уже давно съ грустью думалъ о томъ, что нехорошо держать въ плѣну уже совсѣмъ поправившуюся птичку, что онъ спасъ ее не для того, чтобы навсегда лишитъ ее воли.. Но птичка была кривая, и Федя успокаивалъ себя тѣмъ, что она можетъ легко погибнуть на свободѣ.

— А какъ-же онъ будетъ летать безъ одного глаза?—спросилъ мальчикъ.

— Это ничего,—отвѣтила Поля:—птичка и съ однимъ глазомъ будетъ порхать, доставать себѣ пропитаніе и чувствовать себя счастливой.. А въ неволѣ ей что за жизнь?

— Значитъ, я больше уже не увижу его никогда?—спросилъ Федя со вздохомъ.

— Но что-же дѣлать!—сказала мама.—Нельзя-же всю жизнь томить его въ клѣткѣ!

— А мы вотъ что сдѣлаемъ,—предложила Поля:—мы ножку воробушка обвяжемъ красной шерстинкой и такимъ образомъ замѣтимъ его. Можетъ-быть, онъ будетъ къ намъ прилетать!

И за чаемъ было рѣшено завтра же выпустить воробья на свободу, обвязавъ ему ножку красной шерстинкой.

Слѣдующій день былъ особенно ясный и теплый. Но на душѣ у Феи было не весело. Ему жаль было расставаться съ пріятелемъ.

Послѣ утренняго чая всѣ отравились выпускать воробья на свободу. Рѣшили, что шерстинку будетъ привязывать Поля, а Федя будетъ держать воробья.

Федя снялъ клѣтку, отворилъ дверцу и, когда воробей по обыкновенію вспорхнулъ ему на ладонь, онъ сжалъ ее и легко его поймалъ. Воробушекъ не двигался въ рукахъ мальчика, только сердце у него сильно, сильно билось. Поля обвязала шерстинкой его ножку.

— Ну, теперь пойдете въ садъ и тамъ его выпустимъ!—сказалъ папа.

Сошли съ террасы и вошли въ садъ.

— Ну, Федя, теперь пускай!—сказала Поля.

Федя разжалъ ладонь. Освобожденный воробушекъ, однако, оставался на его ладони и только вертѣлъ головкой, какъ-бы въ недоумѣніи — летѣть ему, или нѣтъ.. Но вдругъ въ кустахъ зачирикали другіе воробьи. Моментъ — и воробушекъ вспорхнулъ и полетѣлъ за ними..

Всѣ ахнули отъ неожиданности и еще долго смотрѣли въ ту сторону, куда онъ улетѣлъ. Но онъ не показывался..

Пустую клѣтку велѣли Лукерья отнести опять на чердакъ. Постояли немного и ушли домой.

Прошло нѣсколько дней. Федя уже примирился съ тѣмъ, что у него нѣтъ воробья, и даже радовался, что теперь онъ на волѣ. Только ему очень-очень хотѣлось хоть издали, мелькомъ, увидѣть своего друга и убѣдиться, что онъ живъ и порхаетъ вмѣстѣ съ другими птицами на свободѣ..

Онъ каждый день утромъ выходилъ на террасу и бросалъ на дорожку пшено и крупу. Слетались голуби и воробьи, но красной шерстинки такъ и не показывалось вовсе.

И вотъ однажды, когда Федя кормилъ такъ птицъ и онѣ слетались къ нему со всѣхъ сторонъ, онѣ замѣтилъ, какъ изъ прилетѣвшей новой стаи воробьевъ вдругъ отдѣлился одинъ и быстро-быстро запрыгалъ къ Федѣ и у самыхъ его ногъ сталъ клевать пшено. Сердце мальчика забилося. Онѣ хотѣлъ поймать воробья, но тотъ отлетѣлъ въ сторону. Тогда Федя насыпалъ пшена на ладонь и протянулъ ее впередъ; воробушекъ вдругъ вспорхнулъ къ нему на ладонь и слегка пугливо вертя головкой, сталъ съ нея клевать.

— Одноглазикъ! Одноглазикъ! — закричалъ радостно Федя.

Поля подбѣжала къ Федѣ.

— Гдѣ, гдѣ? спросила она.

— Вотъ, вотъ, посмотри!

И онѣ протянулъ къ ней ладонь съ сидѣвшимъ на ней воробьемъ.

— Вотъ и одинъ глазокъ закрытъ!.. продолжалъ онѣ. — Милый,

милый одноглазикъ!.. А гдѣ-же у него шерстинка?

Поля осмотрѣла воробья и сказала:

— Она, должно быть, развязалась или воробей ее отклевалъ! Я такъ и думала, что она останется на его ногѣ недолго!

Затѣмъ воробей улетѣлъ и Федя еще долго-долго стоялъ на дорожкѣ и мечтательно смотрѣлъ ему вслѣдъ. Выраженіе лица его было радостное и спокойное. Теперь ужъ онѣ былъ увѣренъ, даже твердо это зналъ, что съ этого дня его одноглазый воробушекъ будетъ прилетать къ нему каждый день и будетъ клевать съ его ладони пшено.

И онѣ не ошибся. Каждое утро, какъ только Федя выходилъ на террасу и протягивалъ впередъ руку, маленькая птичка уже слетала къ нему, точно давно уже поджидала появленія своего пріятеля, которому была обязана своей жизнью и свободой.

Ф. Черновъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I

Названія какихъ металловъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:—

1) Во время лѣтняго тепла тина въ нашей лужѣ просыхаетъ.

2) Смотрите, все ребро у этой собаки изломано на части!

3) У нѣкоторыхъ рыбъ во рту тьма мелкихъ бороздокъ и зубовъ.

4) Мы получили остальную мебель уже на дачѣ.

5) На лугу, около воды, такъ стало мокро, что нельзя пройти.

6) Барбось сегодня золь, отойди отъ него, а то укуситъ!

II

Задумано слово, отъ котораго оставлены одни только гласные звуки.

—и—е—а—о—а—

На мѣстѣ черточекъ должны стоять согласные звуки.

Изъ *всѣхъ* буквъ этого слова можно составить слѣдующія слова: громъ, макарона, фракъ, корона, ракета, кротъ, контора, тронъ, граната, грамматика, математика, гранитъ, графъ.

Задуманное слово означаетъ названіе одного изъ великихъ изобрѣтеній послѣдняго четверть-столѣтія.

Какое слово задумано?

III

Задуманы три слова. Каждое изъ нихъ состоитъ изъ трехъ слоговъ.

Послѣдніе два слога въ каждомъ изъ нихъ означаютъ:

1) Въ первомъ — принадлежность колеса.

2) Во второмъ — часть полка.

3) Въ третьемъ — часть тѣла человѣка.

Кромѣ того:

1) Первые слоги *всѣхъ* этихъ трехъ словъ составляютъ все первое слово:

2) Вторые слоги *всѣхъ* этихъ трехъ словъ составляютъ все второе слово.

3) Третьи слоги *всѣхъ* этихъ трехъ словъ составляютъ все третье слово.

Задуманныя слова означаютъ:

1) То, что помогаетъ человѣку въ трудѣ.

2) Пространство не вдоль предмета, а поперекъ его.

3) Женское имя.

Какія слова задуманы?

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 14, помѣщенныхъ въ № 14 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I. Утка, кашка, шутка, шашка, кукушка = катюшка. II. ... ку + ни + ца (куница), лягу + шка (лягушка), ... олень, ... гѣ + на (гѣна), горно + стай (горностай), ... кры + са (крыса), ... лось. III. Слова „день“ и „ночь“ кончаются буквами „ь“ (мягкими знаками). IV. Радуга, дуга, газета. V. Мошь + око = молоко. VI. Въ натянутахъ. VII. Слово „Волга“ кончается буквой „а“, а слово „море“ начинается съ буквы „м“. VIII. И та, и другая имѣютъ поля. IX. Проказница маргышка, осель, козелъ да косопаный Машка затѣяли сыграть квартетъ.

Ребусъ № 14. Усы + рогъ + ок + уста + о + колоколь + о + д + цапля + са + листь + ре + козы = У сырого куста, около колодца, плясали стрекозы.

Вѣрные рѣшенія прислали: Лида и Лена Добровольскія, Вѣрочка и Маруся А., В. Ильгисонисъ, Т. Давыдова, В. Латкинъ, А. Папианцъ, Н. Багратіонъ-Мухранская, В. Перескоковъ, Р. и Л. Яхнины, Ш. Ефремовъ, Н. Плавская, Э. Свиридова, В. Софроновъ, М., С. и Н. Безиргановы, Ф. Воейковъ, Э. Иванчикъ, М. Лемешинская, В. Штепина, В. Кирпотенко, С. Чеснокова, А. Русисъ, А. и С. Шаповы, Б. и Ш. Гольдштейнъ, Ш. Вейсъ, П. и В. Кузьминскія, М., К. и Е. Бинеманъ, Дѣти Мерзликины, М. Дунаевскій, М. и О. Сыромятниковы, К. Кузнецовъ, В. Святенко, Т. Каледина, Ида Свѣтъ, Ж. Самарина, С. Антоновъ, С. и Ю. Михайловы, В. Дергачевъ, Н. Тетерева-Созонова, К. Луцевина, В. Воинкова, Т. Берманъ, М. и Н. Лу-

пановы, Н. и В. Ивашкины, Н., А. и Т. Лоренцъ, Дѣти Лаврентьевы, М. Коротина, Дѣти Асилбеговы, Тоя, Липа, Соня, Валя, М. Сплинъ, П. Герасимовъ, В. Дамянскій, Т. и П. Гверцители, С. Кавелинъ, Ю. и Р. Глявда, Т. и Н. Покровскіе, М. Глазенапъ, Ю. и Л. Ловень, А. Мангуби, О. Гусева, М. и О. Гемпель, Н. Ананьина, Н. К. и Т. Малыхъ, С. Ж. и В. Кряквини, И. Польскій, А. Янчевская, Б. Киницкій, В. Суторихинъ, Л. Каргаполова, Т. и Л. Кацевичъ, М. и Г. Алроз, С. Дубровскій, М. Шуневичъ, Н., Ж. и Л. Ивановы, М. Андреева, Н. Зеленская, Пина и Зина, Т. Назаренко, П. Далякъ, Н. и Л. Кусакины, В. Арефьева, К. Эмихъ, Л. Лебединская, Т. Науменко, Э., Э. и К. Гудкевичъ, А. Мизандронцева, В. и К. Крыловы, В. Блумбергъ, В. Щелкинъ, Л. и В. Форостъ, К. Багредова, Г. Попова, Л. Ковалева, В., В. и Л. Исыковы, В. В. и Н. Охрименко, М., К. и О. Мамонтовы, К. Смирновъ, С. Богдановскій, К. Нечипаевскій, Т. и Р. Ванатъ, В. Казанскій, В. М. и Ш. Любарскіе, И. и В. Данилевскія, В. Стрѣльцовъ, Н. Ромашенко, М. Семернина, Ж. Трегубенко, А., Т. и Л. Пушкаревы, Я. Филимоновъ, В. Николаевъ, В. Королькова, А. Серребряковъ, М. Третьяковъ, К. Лисицынъ, В. Ширшовъ, Г. Авербухъ, Б., Т. и И. Шалевичъ, М. Брюхинъ, Т., А. Л. и О. Ветцъ, М. и Г. Тизенгаузенъ, А. Фомина, В. Валобуевъ, Н., М. и К. Казанцевы, Лена Каракай, В. Павличевъ, Г. Струтинскій, В. Сафоновъ, В. Закоъ, Ю. и З. Манштейнъ, В. и Т. Кузовкины, Ю., В. и Т. Цвѣткова, С. Маркевичъ, Лена и Аничка, Г. Кондзеровскій, В. Федоровъ, Н. Иванова, В. Ситникова, Юсь изъ Ворожбы, Г. Грюневальдъ, И. Мазикевичъ, Ф. Царенко, Т. Фишеръ, Ж.

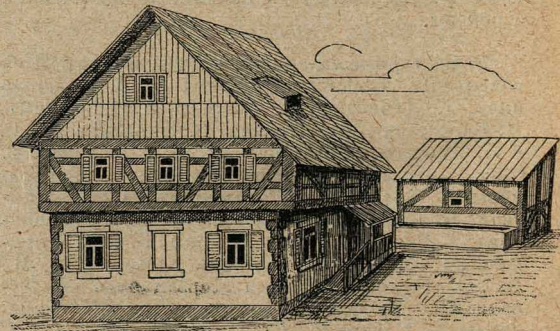
Ребусъ № 16.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Руденко, Ф. Гольмдорфъ, С. и М. Гавриловы, Л. и А. Найденовы, М. Каменка, С. Бѣлоусова, Г. Пумпянский, Е. Томашевскій, О. Хитрово, А. и В. Вышемірскіе, Б. Одинцовъ, Д., Г. и Т. Ушаковы, Р. Козинцова, Р. Едренкина, Деликъ-Кроликъ Богущъ, Т. Царенко, Г. и Т. Горюхановы, С. и Л. Кишисъ, В. Гамовъ, В. Стренинъ, М. Когенъ, Жанъ-Мари, Каэтъ Галопенъ, К. Пемовъ, Г. Геладзе, Г. Маевскій, В. Мазвинъ, Л. и Л. Любимовы, С. Шикинъ, О. Машнеръ, Н. Краузъ, Т. Ремезовъ, Н. Шадринъ, Марія Гольцова, Н. и М. Краснолобовы, Ю. и В. Радзилинскіе, В. Токаревъ, Т. Богданова, Ш. Соколова, В. и Г. Шутовы, З. и Ю. Манштейнъ, Н. и Ж. Кондаковы, В. Курбатовъ, Т. Марданова, Дѣти Манишевскія, В. Людкевичъ, Н. Розенцвейгъ, К. Бурцева, Н. и К. Петровскіе, В., А. и Л. Цышевскіе, Л. Ковалева, В. и Т. Курзовины, В., В. и Н. Охрименко, М. Петрова, Б. Нессель, Н. Церетели, Н. Громзина, В. и Э. Ховенъ, К. Багрцова, М. Клементьева, Т. Петроградская, А. Русисъ, Н. Климовъ, Дѣти Востриковы, А., Л. и В. Лукины, А. Гольмдорфъ,

Т. Герасимова, Л. и К. Широченко, И. Никандровъ, Т. Маламудъ, И. Великанова, В. Кировъ, Н. Климовъ, А. Псноповъцева.

Модель приложенія къ этому номеру.

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ);

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.),

О С О В О Е П Р И Л О Ж Е Н І Е:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Адресъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство»: Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками.

ОТЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО».

Журналъ «Золотое Дѣтство» ЗА ТЕКУЩІЙ
1915 г. РАЗОШЕЛСЯ ВЕСЬ.
ПОДПИСКА ПРЕКРАЩЕНА до 1-го Сентября.

Редакція предлагаетъ журналъ «Золотое Дѣтство» за истекшіе 1914 или 1913 г. со всѣми приложеніями. Цѣна въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 3 р. 65 к., безъ переплета — 3 р. За пересылку въ предѣлахъ Европейской Россіи и Кавказа — 45 коп.

Петроградъ, Каменноостровский просп., 26.